

ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЖАН ЛИН (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ «ПОСЛЕШОК» И «ОВЕЧКА»)

(Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. Н. М. Шахназарян)

Чжан Лин (1957 г.р.) является одной из ярких представительниц прозы китайского зарубежья. Исследование её творчества способствует выявлению новых тенденций в развитии современной китайской литературы. Чжан Лин известна как автор рассказов, повестей и романов, многие из которых отмечены различными премиями и наградами. Во многих произведениях Чжан Лин женщины выступают главными персонажами. В её творчестве отражены изменения в представлениях о месте женщины в семье и обществе. Модернизационные процессы, которые начались в Китае в конце 80-х гг. затронули не только социально-экономическую сферу, но и социальную структуру китайского общества.

На смену традиционной модели семьи приходит посттрадиционная. Она не только допускает, но и приветствует равенство супругов. Её отличительными чертами являются избирательное наследование культурных ценностей и социальных норм, осознание чувства любви как необходимого условия для создания семьи. Любовные и семейные отношения становятся допустимыми для открытого обсуждения темами. Посттрадиционная модель семьи характеризуется сменой ценностных ориентиров. Приоритетом становится профессиональная реализация. Необходимость карьерного роста и демографическая политика «одна семья – один ребёнок» приводят к сознательному отказу от рождения детей. О. В. Почагина отмечает, что «бездетность становится осознанным выбором супругов. Жизненную позицию таких семей социологи определяют через аббревиатуру «DINK» («Double Income No Kids» — «двойной доход без детей») [1]. Семья Чжан Лин относится именно к таким. Они с мужем договорились, что у них не будет детей, так как, по словам самой писательницы, она знала, что материнство послужило бы неодолимым препятствием для осуществления её мечты стать профессиональным писателем [6]. Очевидно, что для многих представителей молодого поколения, которые выросли в период реформирования, личностная самореализация приобретает гораздо большее значение, чем продолжение рода.

Изменение роли женщины в современном китайском обществе связано с развитием феминизма. С точки зрения Э. А. Синецкой, феминизм в Китае характеризуется рядом специфических черт. В течение нескольких десятилетий роль женщины в социуме претерпевала серьёзные изменения, но только к 80-м гг. XX века в китайском обществе стала ощущаться потребность в феминистских исследованиях. Понятие феминизма в Китае не идентично феминизму западноевропейскому. Э. А. Синецкая выделяет несколько основных особенностей китайского феминизма. В Китае он стал развиваться позже, чем в большинстве стран Западной Европы. Ещё в 20-е гг. XX века

инициатива о необходимости обсуждения «женского» вопроса в обществе исходила от мужчин. Исследовательница называет феномен *фэйсинхуа* ‘десексуализации’, который лежит «в основе существенной разницы между западными и китайскими межполовыми, гендерными взаимоотношениями» [2]. В обществе долгое время существовали представления даже не о равенстве, а об отсутствии дифференциации полов. Границы между ними стираются как в жизни, так и в литературе. Хун Цзычэн отмечает, что на фоне развивающейся тенденции к «десексуализации» (использует термин *фэйсинбехуа*) наблюдается возврат к традиционной культуре, которая предлагает привычный образ женщины, сложившийся в рамках конфуцианской традиции. Читатель «признаёт и приветствует» феминистскую манеру», а социальный статус и культурный опыт, наоборот, побуждают к проявлению женского начала, соответствующего традиционалистским взглядам [3, с. 358]. Китайский феминизм отличает то, что движение за освобождение женщин воспринималось как часть национально-освободительной, классовой борьбы [2]. В результате женщины на равных правах с мужчинами задействованы в производительном труде, но их сознание остаётся «в плену традиционалистских представлений» [2].

Главной отличительной чертой китайского феминизма является связь с национальными корнями (т.н. *бентухуа* ‘индигенизация’) и опора на конфуцианские идеалы. Одной из основных категорий конфуцианства является *жэнь*, но в отличие от гуманистического представления о равноправии, в китайской традиции трансперсональные ценности и чувство долга (должное *и*) превалируют над личными интересами. Это касается и мужчин, и женщин, ведь они «не есть отдельные человеческие личности, а всего лишь подданные государства» [2].

Отличительными чертами феминизма с китайской спецификой являются не только особенности его развития, исследования и собственно стиля мышления. В китайском языке отсутствует единый термин для обозначения «феминизма». Наиболее распространено понятие *нюйсинчжуи*, где *нюйсин* значит ‘женский пол, женщина, женский, феминный’. Наряду с ним используется *фунюйчжуи*, где *фунюй* означает ‘женщина’ и подразумевает акцент на физиологической стороне и вопросах женской телесности. Реже всего встречается *нюйцюаньчжуи* (*нюйцюань* – ‘женские права’). Чаще всего используется *синь нюйсинчжуи* как ‘новый феминизм’, связанный с национальной китайской традицией. Таковы основные отличия китайского феминизма.

Феминная культура оказала значительное влияние на современную китайскую прозу. Во-первых, возрастает процентная доля женщин среди писателей. Во-вторых, женщины всё чаще становятся главными героинями. В-третьих, увеличивается число произведений, посвящённых проблемам, связанным с женской судьбой.

В своих произведениях Чжан Лин демонстрирует сложную связь традиционных морально-этических представлений и обстоятельств посттрадиционного общества в жизни героев.

Всем главным героиням свойственно чувство глубокого одиночества и замкнутости. Они постоянно ощущают скованность, их действия ограничены рамками общественной морали, нормами, предписанными социумом. Их характерной чертой является интровертность. Они нуждаются в любви и понимании, но очень настороженны, аккуратны, им не свойственно «бросаться в омут» чувств, они оберегают своё личное пространство. Героини повестей легки на подъём (как и сама писательница), им довелось много ездить по стране и за рубеж. Они обладают творческими способностями и развитым чувством прекрасного. Им не свойственен консерватизм, но они не отторгают культурные корни. Наблюдается их тесная связь с Родиной. Только оказавшись в непривычной ситуации, в незнакомом месте, в новом социальном окружении, героини получают возможность «расслабиться» и «раскрыться», проявить свою истинную суть.

Например, героиня повести «Овечка» («Ян», 2003) по имени Ян Ян находится в крайне затруднительном положении. Она ищет работу и нуждается в моральной поддержке. Она вышла замуж за состоятельного китайца намного старше себя, который живёт в Канаде. Но в первый же день приезда, в первую брачную ночь он умирает. Она оказывается без жилья, без денег, свекровь подозревает её в преступлении. У девушки нет в Торонто ни одного знакомого человека, к которому можно было бы обратиться за помощью. Тепло и понимание она неожиданно находит в лице пастора Пола Уилсона, который говорит по-китайски. Помощь к героине приходит от человека иной культуры, иной веры, иной нации и даже иной расы.

– Вы первый пастор, с которым я знакома.

Покивав головой, мужчина сказал:

– Очень жаль, но вы не первая язычница, которую я знаю.

Не сговариваясь, оба рассмеялись [4, с. 49].

У Ян Ян есть английское имя, но в тексте оно не появляется. Пастор Уилсон и Ян Ян общаются по-китайски, но очевидна разница в их мышлении как представителей Запада и Востока. Приведём пример. Он предложил ей несколько раз в неделю приходить к нему в кабинет и печатать то, что он подготовил на черновике. Однажды ей нужно было перепечатать черновик проповеди, темой которой была «Добродетельные женщины», составленной на основе Книги Руфи из Ветхого Завета. Ян Ян работает и задаёт очевидный для неё вопрос: «Почему же эта Руфь настояла на том, чтобы вернуться вместе со свекровью? У неё что, в родном доме никого не осталось?» Пастор отвечает, что это из любви к Богу. Тогда героиня задаёт риторический вопрос: «Неужели нельзя любить Бога в другом месте?» Поведение библейского персонажа кажется героине нелогичным.

Ян Ян оказывается сильной женщиной, которая согласна идти на риск. Но она принимает решение в духе истинной китаянки. Решает выйти замуж за того, кто предложил, взвешивает все «за» и «против». Хотя она не любит будущего мужа, но замуж соглашается выйти без чувства пренебрежения или отвращения. К этому мужчине она испытывает искреннее уважение и благодарность. После долгого разбирательства она получает наследство, о

котором не успела даже задуматься, когда выходила замуж. Ведь она собиралась жить в покое и достатке с мужем, а не одна в чужой стране. Она находится в смятении, в постоянном поиске. Покой приходит вместе с решением вернуться в Пекин и открыть кофейню. «Такое небольшое, но очень чистое кафе. Со свежими цветами на столах и полностью отапливаемое, чтобы, только войдя, забывал настоящее и будущее. И только хотелось бы с чашкой кофе в руках впасть в тёплую, туманную дремоту. Солнечный свет. Точно, так и назову – Кофейня Солнечного Света» [4, с. 86]. Это очень символично, так как имя героини переводится так же – *ян* ‘солнце, солнечный, Ян (как положительное начало в китайской натурфилософии)’.

Героиня повести «Послешок» («Юйчжэнь», 2006) пережила землетрясение. Она вместе с братом оказалась под завалом, обоим спасти было нельзя, и её мать вынуждена была сделать выбор, спасли брата. Но девочка выжила, была удочерена, училась, переехала в Канаду, вышла замуж, родила дочь, но ни разу с тех пор не плакала. Она до сих пор испытывает «остаточные» толчки от землетрясения в глубине души. После нескольких попыток покончить жизнь самоубийством она попадает к врачу-психиатру, беседы с которым помогают ей съездить на Родину. Стоя под балконом родного дома и увидев издали мать и родных племянников, она плачет. Это слёзы не горя, и не радости, а очищения от боли и обиды, освобождения от груза той плиты, под которой на кладбище лежат её портфель и книги. Автор не заканчивает повесть счастливым воссоединением родственников и вслух произнесёнными словами прощения. Это воссоединение, «возвращение к корням» произошло на эмоциональном, духовном уровне. Героиня разведена, у неё натянутые отношения с дочерью, она ещё не обняла свою мать, но она готова к своему «возрождению». В телеграмме врачу она пишет, что «наконец-то, открыла окно» [5]. Возможно, всю жизнь она была несчастна, потому что мать оставила её, прервала родственную связь, и теперь у неё самой не получается наладить её со своей дочерью. Сейчас появляется надежда на то, что триада, связь поколений восстановится и наступит покой в душе не только героини, но и её матери. Женщина смогла заплакать и признаться самой себе в своей боли, когда оказалась одна, наедине сама с собой, а не в любящей приёмной семье, ни с мужем и дочерью, ни в кабинете психотерапевта. Автор оставляет читателю самому прогнозировать, войдёт ли героиня в родной дом, но ключевым является момент, когда она «чувствует что-то на лице» [6], т.е. слёзы.

Духовное освобождение и очищение героинь оказывается возможным лишь за пределами (хотя бы территориальными) традиционалистского общества. Помощь приходит

- извне своей территории (в обоих случаях на территории Канады);
- извне своего этноса;
- извне своей гендерной группы (в обоих случаях от мужчин);
- извне своей расовой группы (в обоих случаях *байчжунжэнь* – досл. ‘европеоид, белый человек’);

- извне привычного круга философских и религиозных представлений (пастор – представитель христианского вероисповедания, а врач опирается на метод психоанализа).

Героини ряда повестей Чжан Лин обращаются к *внешнему*, тому, что за пределами привычного (*вай*), для восстановления гармонии *внутри себя* (*нэй*). Но кульминационные, переломные изменения, когда женщины заключают мир с самими собой, чаще всего происходят в родном социуме. Автор иллюстрирует и гармоничное взаимодействие культур Востока и Запада, и проявление национального самосознания. Характерная для китайской литературы Нового времени тема «поиска корней» переплетается с заимствованной у Запада темой «поиска себя, своего Я».

Литература

1. Почагина, О. В. Семья [в Китае]: новые формы – иные ценности. – "Отечественные записки", 2008, №3. [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> – Дата доступа: 01.03.2015.
2. Синецкая, Э. А. О национальных особенностях китайского феминизма / Э. А. Синецкая // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л. И. Думана / Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 335–352. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.synologia.ru> – Дата доступа: 01.04.15.
3. Творчество писательниц // Хун Цзычэн. История Новейшей китайской литературы. – Издательство Пекинского университета, 1999 – С. 355 – 365.
4. Чжан, Лин. Овечка / Чжан Лин // Житейское море. – Наньнин: Народное издательство Гуаньси, 2004. – С. 47 – 86.
5. Чжан, Лин. Послешок / Чжан Лин [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_a6f7df760101aq96.html – Дата доступа: 10.11.2015.
6. McLaren, L. Why three prominent Chinese-Canadian writers launched a \$10-million plagiarism suit against Ling Zhang / Leah McLaren. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.torontolife.com/informer/features/2011/12/21/something-borrowed/> – Дата доступа: 16.09.2014.